

Я стоял один в пустыне, окруженный небольшими холмами, покрытыми зарослями жесткой желтоватой травы. Я не мог оставаться здесь, но я понятия не имел, куда идти. Я решил идти на юг и шел несколько часов. Начало появляться больше желто-зеленой травы, а земля стала более неровной. Но все же я не видел никаких признаков цивилизации.

Я уловил мысли о приближающихся всадниках, большом количестве всадников. Мысль о том, чтобы покататься на лошади, взволновала меня, но вскоре меня окружили сотни разгневанных всадников. Одни целились в меня из луков, другие держали изогнутые мечи, очень похожие на косы. Как ни странно, ни у кого из них не было копья.

Всадники были по большей части темнокожими и черноволосыми, в широких брюках и кожаных жилетах, почти все в коричневых тонах. У них не было ни знамен, ни других знаков различия, ни украшений.

Их мысли выражали удивление, обнаружив обнаженного бледнокожего мужчину так далеко от какой-либо деревни или поселения. Я опознал их лидера и изобразил, как пьет воду; как я и ожидал, он ничего не сделал, чтобы утолить мою жажду, только рассмеялся.

Лидером был крупный мужчина в брюках, но с обнаженной грудью, демонстрирующий дрожащие мускулы. Я ростом шесть футов четыре дюйма и вешу 240 фунтов, но этот мужчина был намного крупнее меня. У него была черная остrokонечная борода, темные татуировки на лице и верхней части груди и очень длинные волосы, заплетенные в косу. Маленькие серебряные колокольчики, завязанные в косу, звенели всякий раз, когда он двигал головой, что было странным аккомпанементом для такого грозного воина.

Он говорил на языке, который казался знакомым; в какой-то момент в моем прошлом я говорил нечто очень похожее, хотя не мог назвать его. Вождь сказал мне, что если я хочу воды, мне нужно бороться за нее. Расшифровав его смысл из его мыслей, я кивнул в знак согласия. К счастью, этот жест означал то же самое среди его людей.

Два воина спешили; один начал размахивать изогнутым мечом, а другой держал коня. Мечник был бы моим противником. Я указал на меч и протянул руку; все воины рассмеялись. Я должен был сражаться без оружия, на потеху этим людям.

Мой противник был молод и бескровен; убить меня было бы частью проверки его мужественности. Он дико качался. Я увернулся от меча и ударил его по лицу; он упал на спину. Я отбросил от него меч и встал над ним, глядя на их лидера.

— Убей его, — сказал он. «Он ничего не стоит».

Из его мыслей я понял, что лидер убьет нас обоих стрелами, если я откажусь. И поэтому я взял меч молодого человека и убил его. Странная форма лезвия помешала достойному и быстрому удару в сердце, и мне пришлось вонзить острое странного меча ему в грудь, как если бы я рубил дрова. Почему-то его красная кровь показалась мне странной, как и смертельный удар в центр его груди.

— Вода, — сказал я, взяв это слово из головы лидера. «Вода и лошадь».

— Вы только начали, — сказал лидер. «У Рузгара были друзья. Семья. Они теперь ваши враги. По крайней мере, теперь у тебя есть оружие.

Никто не пытался вырвать лезвие из моих рук. Одного за другим я сразился и убил еще восемь человек. Изогнутый меч был неудобным оружием, но моя огромная физическая сила и

огромная скорость компенсировали отсутствие навыков обращения с этим странным мечом. Однажды я убил восьмого человека, что, видимо, истребило всех родственников Рузгара, по крайней мере, тех, кто готов бороться за его память.

"Мы закончили?" — спросил я лидера. «Вы даёте воду и лошадь?»

«Я держу свое слово», — сказал он, указывая на некоторых из своих последователей. "Вода."

Один из воинов сорвал с седла шкуру и бросил ее к моим ногам.

«Ты можешь оставить себе клинок, — продолжал лидер, — и все, что пожелаешь, от убитых тобой мужчин, включая их лошадей, оружие и женщин. Я дам тебе три дня, чтобы уехать далеко. Если мы найдем тебя после этого, мы тебя убьем.

— Если я оставлю женщин?

«Все, что ты оставишь, я разделю между своими кровными всадниками».

«Женщины будут жить?»

— Если это мое желание.

— Это твоё желание?

«У меня хорошее настроение, я видел хороший бой. Ну, возможно, не хороший бой, но зрелищный. Так что да, они живут».

«Скажи мне, где я».

Он потерял бороду, задумавшись.

— Это справедливо, — наконец сказал он. Он указал на юг. «Направляйтесь на юг. Вскоре вы доберетесь до более мягких земель, ферм и пастбищ. Продолжать идти. Широкая дорога ведет к Пентосу на запад. Может, три дня в дорогу, еще шесть в город.

"Ваше имя?"

"Drogo. Khal Drogo."

«Если мы встретимся снова, я убью тебя и займу твоё место».

— У тебя есть право попробовать, — рассмеялся он. — Ты убил дотракийца в единоборстве, так что теперь ты дотракийец, но я отказываю тебе в этом кхаласаре, поскольку имею на это право. У меня уже есть один андал и мне не нужен другой. Я должен сказать вам, что я не Рузгар, и если вы сразитесь со мной, вы обнаружите, что меня не так просто убить. Уезжай со своей жизнью, человек без имени.

— Джон Картер, — сказал я. «Джон Картер из Вирджинии».

Как и советовал Дрого, я поехал на юг. Его мысли показали, что он честный человек, хотя и кровожадный, и он сказал правду о своей решимости убить и меня. Что-то в глубине моего разума побуждало меня вместо этого завоевать его дружбу, как я завоевывал дружбу с другим очень высоким предводителем варваров. Но больше я ничего не мог вспомнить, и убийство Дрого казалось более легким и безопасным путем.

Я оставил женщин позади, хотя некоторые из них считались миловидными. Их кожа медного цвета и черные волосы отталкивали меня по причинам, которых я тогда не понимал. Я хотел женщину, женщину с белой кожей, как у меня. Мягкая женщина, с нежной речью и прикосновениями, а также с твердой грудью.

Я оделся как дотракийец, в свободные брюки и тунику с кожаным жилетом поверх. Они натирали меня солнечным ожогом, полученным во время долгой прогулки голышом, но меньше, чем более тесная одежда. Я забрал у Рузгара, его друзей и семьи все, что казалось ценным: целую дюжину лошадей, оружие, монеты, еду, одежду. Хотя я не нуждался во всем этом имуществе, я хорошо знал, что человеку всегда нужны деньги. Я мог бы, вероятно, продать эти предметы по крайней мере за пустяк. Дрого дал мне горсть монет для женщин, пообещав хорошо с ними обращаться. Я не исследовал его мысли, чтобы определить, что он считает хорошим обращением.

Кривой меч, называемый арахом, меня не устраивал. Дотракийцы, похоже, не держали на меня зла, и несколько мужчин помогли разобраться с моим новым имуществом, назвав различные предметы и дав мне совет относительно их ценности. Один из других дотракийцев обменял мне прямой клинок, который, как я знал, назывался длинным мечом, на двух лучших аракхов. Он считал меня дураком, но на моем бедре он ощущался куда более естественно, чем аракх. Другой обменял мне хороший комплект ботинок, которые подходили мне по размеру, со шнуровкой почти до колен, в обмен на три пары неподходящих. Я видел в их мыслях, что немногие мужчины имеют ноги моего размера и что они считают сделку три к одному справедливой.

К их чести, дотракийцы не пытались меня обмануть: я вез всю порцию еды, воды и имущества восьми воинов, а также их женщин на своем новом поезде лошадей. Я мог бы ехать несколько дней, а может быть, и намного дольше, но пока у меня не было цели.

Пока я ехал по незнакомым землям, я удивлялся собственному отсутствию удивления. Я появился внезапно в незнакомом месте, без одежды, оружия и других вещей. И никаких воспоминаний ни о том, как я туда попал, ни, по крайней мере, о последнем десятилетии моей жизни. Я знал свое имя, я знал, что приехал из Вирджинии, и я знал, что сражался за благородное дело Конфедерации.

Но мое положение меня не встревожило. Случалось ли что-то подобное со мной в те пропавшие годы моей жизни? Видимо так. Я решил, что не буду беспокоиться о таких вещах. Какое-то провидение предоставило мне возможность для приключений, и я намеревался ею воспользоваться.

Вскоре я добрался до более мягких земель, как и обещал Дрого, и смог есть плоды с деревьев, хотя и не встречал людей. Я узнал фрукты — персики, причем очень вкусные, — и пейзаж показался мне очень знакомым. Я поймал и заколол ягненка на третий день, и у меня было свежее мясо. По какой-то причине, несмотря на отсутствие приправ, вкус мяса был удивительно знакомым, и я чувствовал себя очень довольным, как будто я не наслаждался едой много лет.

На третий день пребывания в этом странном месте я поднялся на вершину хребта и увидел вымощенную камнем дорогу, идущую на восток и запад. Я не видел движения на нем и не мог обнаружить никаких мыслей. Не имея другой цели, я решил посетить этот город, который Дрого назвал Пентос.

Теперь я стал встречаться с людьми. Крестьяне на своих полях, путники в дороге. Через

несколько часов я пришел в деревню с парой постоянных дворов; Я выбрал чистильщика из двух и привязал свою лошадь снаружи, используя свою телепатию, чтобы приказать другим лошадям оставаться поблизости. Я завязал свой новый портупею вокруг талии и вошел в общую комнату гостиницы.

«Грёбаным дотракийцам вход воспрещён!» — проревел кто-то, когда я вошла в прокуренную комнату. В одном конце у него был большой камин, и большое пламя потрескивало, несмотря на дневную жару снаружи. Это выглядело точно так же, как сотни гостиниц, которые я видел за дюжину жизней; ответ, который удивил меня в то время.

— Я не дотракийец, — сказал я, пытаюсь опознать говорящего. «Некоторых я убил и забрал их одежду».

— Убьешь дотракийцев, найдешь здесь друзей, — сказал толстяк, выйдя из-за прилавка. Его мысли идентифицировали его как трактирщика. — И ты найдешь там много врагов.

— У меня уже есть кое-что, — сказал я. «К их чести, они сражались честно, по одному».

«Ничего им в чести», — сказал мужчина. — Но ты выпьешь за меня свою первую рюмку.

Я хорошо поел и хорошо выспался, а утром снова отправился в путь со своей упряжкой лошадей. Я кое-чему научился у людей в гостинице; очевидно, эти земли попали под власть так называемого Вольного города Пентос, торговой республики с центром в одном из крупнейших городов мира. Они уверяли меня, что возможностей для человека с сильной рукой, вооруженной мечом, предостаточно.

Пока я еще не знал, что буду делать. Я знал лишь немного о себе. Я знал, что большую часть своей жизни я был солдатом удачи. Я знал, что ищу приключений и волнений, острых ощущений битвы и компании женщин. И я знал, что, хотя я и был телепатом, никто из людей, которых я встречал до сих пор, не обладал этой способностью. Я решил не раскрывать этот факт.

В следующей таверне я нашел приключение и волнение, которое искал. Как и раньше, я оставил своих лошадей снаружи и вошел, чтобы получить обед и комнату.

— Прости, друг, — сказал трактирщик. «Этот человек уже снял все мои комнаты».

"И кто ты?" — прогремел голос человека, на которого указали. Он был чрезвычайно толст, с желтыми волосами, явно окрашенными в искусственный цвет, и раздвоенной бородой, также окрашенной в желтый цвет. Он сидел один за большим столом, накрытым едой и напитками. "Присоединяйся ко мне!"

«Джон Картер из Вирджинии».

«Никогда не слышал ни о том, ни о другом. Подойди, сядь и расскажи мне о Джоне Картере и о Вирджинии. Меня зовут Иллирио Мопатис, магистр Пентоса.

Итак, я съел жареного ягненка, выпил красного вина Иллирио Мопатиса и рассказал ему свою очень короткую историю. Он говорил на языке, который показался мне знакомым, на котором я когда-то говорил, хотя знал, что это не мой родной язык. Я попал в него довольно легко, с помощью телепатии.

Запах и манеры Иллирио отталкивали меня, но его мысли выражали искреннее любопытство и

предлагали дружбу. Поскольку у меня не было друзей в этом мире, насколько мне было известно, я решил принять его гостеприимство.

— Ты хорошо владеешь мечом? — спросил он в заключение моего рассказа.

"Очень."

— А, — вздохнул Иллирио. «Таким же когда-то был и я. И мускулистый и красивый, как и ты».

"Что случилось?"

— Ты должен был сказать мне, что я все еще жив.

Я просто посмотрел на него. Он улыбнулся, показывая кривые желтые зубы, и продолжил.

«Успех случился, — сказал он. «Я разбогател и, в конце концов, разжирел. Когда-то женщинам нравилось мое тело, теперь они просто любят мои деньги».

— По крайней мере, они все еще любят тебя.

«Ну, вот что. Тебе нечего делать?"

"Еще нет. Я всегда был солдатом. Думаю, я снова им стану».

— Ты ищешь приключений?

«У меня такое впечатление, что он всегда искал меня».

«Пойдем со мной в Пентос. У меня есть приключение, которое, возможно, вам стоит потратить».

Он планировал свергнуть соседнее королевство и посадить на престол претендента. Он не совсем понимал, где я мог бы вписаться, но думал, что я могу быть полезен для его заговора. И ему нравилось мое общество. Несмотря на его отвратительное физическое присутствие, я должен признать, что Иллирио Мопатис мне тоже нравился. Когда-то он был прекрасным фехтовальщиком и со знанием дела говорил на мою любимую тему.

Через несколько дней мы прибыли в Пентос. Иллирио рассказал больше о своем заговоре, который, казалось, вряд ли увенчается успехом, и рассказал мне больше об этом странном мире, в котором я появился. У меня были проблески воспоминаний, в основном о битвах, но я полагал, что некоторые женщины были моими женами, но ничего твердого. И ни один из них, казалось, не соответствовал рассказам Иллирио Мопатиса. Некоторые на самом деле были настолько странными, что я решил, что это остатки лихорадочных снов: летательные аппараты, картинные машины, надменная принцесса с медной кожей. Возможно, этим объяснялась моя нехватка памяти; Я был очень болен, и меня бросили умирать в пустыне.

Иллирио рассказал о большинстве слуг, которые сопровождали его, чтобы они вернулись в свой особняк. Как он объяснил, закон Пентоши запрещал рабство, поэтому вместо этого высшие классы держали своих рабочих по контрактам, которые на практике давали тот же результат. Я нашел в этом умную замену установленному Богом учреждению. Люди не равны, что бы там ни говорил какой-нибудь философ. Некоторые мужчины просто превосходят других по своей природе. Всегда будут господа и рабы, и в интересах раба иметь мудрого хозяина, заботящегося о его интересах.

Особняк Иллирио был огромен, его территория занимала акры садов с бассейнами, скульптурами, вольером для бабочек и лужайкой, где его слуги играли в игры для развлечения Иллирио. Его личные слуги были одинаково молоды, красивы и красивы; Меня смущало, что они ходили с голой грудью, но мой друг уверял меня, что таков обычай элиты Пентоши.

Я выразил свою потребность в женском общении, и Иллирио отвел меня прямо к большому богато украшенному зданию, которое он описал как «дом из подушек».

«Дайте моему другу все, что он пожелает», — сказал Иллирио женщине, которая, по-видимому, руководила заведением. — Иллирио Мопатис платит.

— А чего ты хочешь? — спросила она меня, когда Иллирио ушел.

— Женщина, — сказал я. «Любая женщина. Небольшого роста, если можно, но мне все равно, лишь бы она была белой.

«Все наши девушки заняты», — сказала она. — У меня для вас ничего не будет по крайней мере в течение часа. Если только тебе не нужны отбросы.

— Отбросы? Я попросил. Она заметила кого-то позади меня и махнула рукой.

— Вот этот, — сказала она, указывая на маленькую женщину с неестественно металлически-рыжими волосами и очень бледной кожей. На ней было странное платье из прозрачной белой ткани, обнажавшее левую грудь; его окрашенный в фиолетовый цвет сосок указывал влево. — Десять медяков и, вероятно, плохая сделка. Но она — все, что у меня есть, если только ты не хочешь подождать.

— Она подойдет, — сказал я. — Она отлично справится.

— Иллирио платит. У меня есть девушки, на которых ты иначе не мог бы позволить себе смотреть, не говоря уже о трахе, если ты подождешь своей очереди.

— Я сказал, что она подойдет.

Я последовал за рыжеволосой женщиной по небольшому коридору в комнату с кроватью, двумя стульями и маленьким столом. Я закрыл за собой дверь, стряхнул с себя дотракийский жилет и натянул через голову развевающуюся тунику.

— О боже, — сказала она. «Просто скажи мне, что ты... . что вы хотите."

«Мне нужна женщина», — сказал я, хотя мне было стыдно признаться в своей похоти вслух. «Прошли годы с тех пор, как у меня была настоящая женщина».

Я расстегнул свои дотракийские брюки, когда она сбросила с плеча свое странное платье, обнажая грудь. Она вышла из него и предстала передо мной такая же обнаженная. У нее была бледная, как молоко, кожа и несколько татуировок, включая огромного дракона, окружающего ее левое бедро. Ее правая грудь с пурпурным кончиком указывала вправо, соответствуя уродству левой. Небольшой валик жира отмечал ее талию, но в тот момент мне было все равно.

Я шагнул вперед, взял в правую руку маленькую, странно изогнутую левую грудь, а другую положил ей за шею. Она была намного ниже меня ростом, и я наклонился, чтобы поцеловать ее. Она оттолкнула меня.

— Шлюхи не целуются, — сказала она. «Не так».

Она положила обе руки на мое мужское достоинство, теперь очень твердое и прямое, и начала опускаться на колени. Я понял, что она имела в виду, и взял ее за локоть, чтобы поднять на ноги.

«Еще нет», — сказал я, не понимая тогда, почему эта мысль оттолкнула меня, забыв мою «принцессу» и ее причудливый синий язык. — Мне нужно быть внутри тебя.

Она села на кровать, глядя на меня.

"Все, что вы . . . хочешь, — сказала она хриплым голосом. «Я твой».

Она потянулась к маленькой баночке на боковом столике и намазала на пальцы какое-то гелеобразное вещество. Она поместила немного на мое мужское достоинство, а затем немного на свое женское место.

«Если ты просто хочешь... . . хочу трахнуть меня, — сказала она, — я, я, мне нужно быть мокрой».

Она откинулась на спинку кровати, и я забрался на кровать, а затем забрался на нее. Я скользнул в нее, как будто не делал этого десятилетиями. А у меня не было, но мое тело помнило то, чего не помнил мой разум. Когда я скользил туда-сюда внутри нее, она тихонько стонала, но не двигалась; ее мысли показали, что стоны были простой игрой. Я почувствовал, как нарастает мое возбуждение, и в последний момент я вырвался из нее, чтобы положить свое мужское достоинство на ее живот, куда мое семя изливалось мощными струями.

Я почувствовал огромную волну удовольствия, прокатившуюся по моему телу, облегчение, как будто я годами страдал от невыносимой боли. Я закричал, а потом рассмеялся. Мое тело, казалось, парило, как будто с меня были сброшены тяжелые цепи.

Почувствовав, как я снова затвердеваю, я перевернулся и снова вошел в нее.

— Продолжай трахать меня, — прошептала она мне на ухо. «Никогда не останавливайся. . . никогда не переставай трахать меня».

Когда я закончил, в вестибюле меня ждал раб.

— Я должен провести вас к особняку Иллирио, — сказал он. — Если бы ты последовал за мной.

Я не чувствовал обмана в его мыслях, поэтому сделал, как он велел.

— Тебе понравилось? Иллирио приветствовал меня, когда я вошел в главный зал. — Вы казались человеком с большой нуждой.

— Я все еще жив, — сказал я. — Но теперь это терпимо. Спасибо."

— Ничего, мой друг. Мы с тобой сделаем великие дела вместе».

— Например, что?

— Во-первых, я полагаю, вам понадобится работа.

— У меня есть немного денег, которые я забрал у дотракийцев, которых убил, — сказал я. «А

своих лошадей, оружие и прочее имущество продать».

— Позвольте мне позаботиться об этом, — сказал Иллирио. «Мои агенты получают гораздо лучшие цены, чем вы».

Он сказал правду, поэтому я кивнул в знак согласия.

— Ты дрался с моей охраной, — сказал он. «И легко победил их. Когда-то я сам обладал некоторыми навыками обращения с клинком. Ты необыкновенный, Джон Картер. У меня есть несколько гостей, с которыми я бы хотел, чтобы вы встретились, как только они прибудут, но пока они не придут, не согласитесь ли вы обучить охранников? Я заплачу, конечно».

Я снова кивнул в знак согласия. Делать мне было нечего, а планы Иллирио, по меньшей мере, обещали меня развлечь.

Я не мог отказаться от своих желаний и на следующий день вернулся в дом из подушек.

— На этот раз у тебя есть монета? спросила толстая женщина, которая управляла этим местом. «Иллирио заплатил только за один раз».

— Не на меня, — признался я. — Я могу вернуться с ним.

«Мы не даем кредита», — сказала она, готовясь отослать меня. Потом она передумала. "Ждать."

Она повернулась и отдернула расшитую бисером занавеску, ведущую в спальню первого этажа.

«Кали!» — завопила она. — Тащи сюда свою огромную задницу.

Через несколько мгновений из-за занавески высунулась вчерашняя рыжеволосая женщина.

"Так?" она спросила.

— У твоего любовника нет монет. Вы все еще заинтересованы?

— Конечно, — сказала она и посмотрела на меня. "Ну давай же . . . Сзади."

— Вы знаете правила, — сказала ей мадам.

— Я, я знаю, — сказал Кейли. «Я хорош для . . . для этого."

Я последовал за ней по коридору обратно в комнату, где мы встречались раньше. Она закрыла за нами дверь. Я взял ее на руки и наклонился, чтобы поцеловать. Она отвернулась от меня.

— Я говорила тебе, — сказала она. «Шлюхи не целуются. Ты хочешь, чтобы поцеловать меня, ты должен, чтобы купить меня.

"Купить вам?"

"От моего . . . мой владелец. И тогда я буду твоей. Ты можешь трахнуть меня. . . трахни меня, когда захочешь. Ты можешь поцеловать меня, ты можешь, ты можешь использовать меня, ты можешь убить меня».

— Ты раб?

«Все шлюхи, рабыни. По крайней мере, здесь, в . . . в Пентосе».

— Вы имеете в виду, что у вас есть контракт.

"Нет никаких . . . нет разницы. Дом принадлежит мне. Ты хочешь, чтобы поцеловать меня, ты должен владеть мной».

Ни одна белая женщина не должна быть рабыней, даже такое униженное создание, как Кейли.

— Это то, чего ты желаешь?

«Нет, я, я, я хочу быть свободным. Но если я, если я должен быть рабом, я лучше буду твоим.

Она не была ни красивой, ни даже симпатичной. Но она знала свое место и стремилась угодить мне. Позже я понял, что она была всем, чем не была моя принцесса, и это сделало ее желанной для меня. Я нетерпеливо стянул платье с ее плеча.

— Не так грубо, — сказала она. — Во всяком случае, не на ткани. Ты рвешь, я, я, я плачу за это. Вы можете быть столь же грубы с . . . груби со мной, как хочешь».

Я опустил платье более осторожно, затем толкнул ее на кровать, когда она раздвинула ноги.

— Подожди, — сказала она, опуская пальцы в баночку с гелем. — Ты разорвешь меня пополам, если выйдешь сухим.

Как только она была готова, я погрузился в нее. Она послушно лежала неподвижно, как и подобает женщине, пока я удовлетворял свою потребность. Она молчала, пока я в очередной раз не кончил на ее мягкий белый животик. Я вдруг вспомнил, как поднимал бокал за «ледяную южную женщину», и почувствовал, что каким-то образом, несмотря на недостающие кусочки моей памяти, реальность снова встала на свои места.

На следующее утро я отправился к Иллирио.

"Джон Картер!" он приветствовал меня, тепло улыбаясь. "Что я могу сделать для вас?"

— Женщина, — сказал я. «Тот самый я. . . тот, кто доставлял мне удовольствие после моего прибытия в Пентос.

— Я должен извиниться, мой друг. Ты этого не заслужил. Это прекрасный дом из подушек, и я заплатил за самое лучшее. Они не должны были выдавать свою самую дешевую шлюху. Я хорошо знаю владельца, мы партнеры в этом и других предприятиях, и у меня с ним другие дела. У нас будет переговор по этому поводу, не бойтесь.

— Я хочу купить ее.

«Купить ее? Из дома?

"Да."

Он потер рукой подбородок и жестом пригласил меня присоединиться к нему, пока он шел в сады своего огромного особняка.

«Мой друг, ты уверен? Ты хочешь, чтобы она была твоей женщиной?

"Я делаю."

Он вздохнул.

«В доме из подушек Lysene так много прелестей, из которых можно выбрать. И ты хочешь этот?

"Я делаю."

Он снова вздохнул.

— Как я уже сказал, у меня в любом случае есть с ними дело. Скоро прибудет принц Визерис, и он хочет учителя для своей сестры. Умелая Лисенская шлюха. Ты пойдешь со мной, и когда мы выберем учителя, я попрошу их включить твой выбор вместе с ней. Или лучший выбор, если к тому времени ты восстановишь рассудок.

— Вы любезны, — сказал я.

"Бред какой то. Мне это ничего не стоит. Я беспокоюсь только о том, что ты так мало думаешь о себе.

«Я верну тебе долг».

— Я был серьезен, — сказал Иллирио. — Та шлюха, которую ты желаешь, почти ничего не стоит, и они дадут ее мне, если я попрошу. Но, пожалуйста, друг мой, сначала посмотри на другие варианты. Я с радостью куплю для тебя женщину получше, подарок от меня тебе».

«Она то, что я заслуживаю».

— Что ты сделал, что так хочешь наказать себя?

— Не знаю, — честно сказал я. «Части моей памяти отсутствуют. Я только знаю, что сделал что-то глубоко постыдное. Такое ощущение, что я как-то убежал от обязательства. Что это было, я действительно не знаю».

Каждое утро я работал с охраной Иллирио. Они считали себя рабами, хотя, чтобы оставаться в рамках закона Пентоши, у каждого из них был контракт, который они не могли ни прочесть, ни понять. Они были евнухами, которых называли «Безупречные», и с раннего возраста их обучали сражаться мечом, копьем и щитом. Они предпочли копье.

Хотя они были чернокожими, я нашел их отличными солдатами, беспрекословно подчиняющимися приказам, и их владение мечом было хорошим, но сильно формализованным. Они добросовестно выполняли все эволюции, которым их учили, и делали это с большой скоростью, но проявляли мало воображения. В их мыслях тоже было мало воображения; они жили, чтобы служить.

Иллирио рассказывал мне, что молодые мечники Пентоса ходили по улицам в ярких одеждах в поисках вызова. Иногда после обеда я надевал свой меч и ходил по городу, чтобы проверить их металл. Я не нашел ни одного из этих «браво» особенно сложным, и после того, как я убил дюжину из них, пошли слухи, и никто не бросил мне вызов. Мне стало скучно, и я задумался, не покинуть ли мне свое плюшевое убежище.

В то время как пентоши считали свой город одним из величайших городов мира, далекие

образы памяти подсказывали мне, что я видел и обитал в городах гораздо больших. Высокие, толстые стены Пентоса и многочисленные башни внутри них были облицованы красным кирпичом. Жрецы и жрицы какого-то огненного бога проповедовали, казалось, на каждом углу; Я обращал на них мало внимания.

Принц правил Пентосом номинально, но Иллирио и другие магистры сформировали совет, обладавший реальной властью. У Пентоса не было армии, только крошечный флот, живущий во власти города на севере, называемого Браавос, и дотракийских всадников. Его жители имели различное происхождение, некоторые были темнокожими, но большинство из них были белыми, как я. Они носили разноцветные одежды, казалось, им нравилось красить волосы и бороды во всевозможные возмутительные оттенки, и они говорили на иллирийском языке, называемом ублюдочным валирийским, который я взялся выучить. Мы с ним обычно общались на вестеросском языке, на котором он впервые поприветствовал меня.

Однажды утром после тренировки я обнаружил, что Иллирио наблюдает за нами.

«Мне нужно поговорить с вами, — начал он, — о безопасности».

— Просто скажи мне, что нужно.

«Через несколько дней друзья привезут пару очень важных гостей. Принц Визерис Таргариен и его сестра Дейенерис. Вы знаете о них?»

— Вы уже упоминали принца, — сказал я. — Вот предел моих знаний.

«Визерис — наследник Железного Трона, законный правитель Семи Королевств Вестероса».

— И под «законным» ты подразумеваешь, что он потерял его и находится в изгнании. И вы намерены вернуть его туда.

— Ты умный человек, — сказал Иллирио, не зная, что я прочитал его мысли. — Ты тоже будешь смотреть. Но да, это мое намерение и намерение моих друзей. Для этого мы должны сохранить ему жизнь. И это будет твоей работой».

— У него есть собственные телохранители?

"Никто. Мои люди должны быть его защитой, и я прошу вас организовать их для этой важнейшей задачи. Вы им нравитесь и, что более важно, они уважают вас. Ты сделаешь это для меня?"

"Конечно."

— Вам понадобятся еще мужчины?

— Ваши Безупречные — хорошие бойцы, — признал я. — Но они детские, наивные. Для защиты от ассасинов нужны люди с подозрительным характером. И вам нужно хорошо платить им, иначе они возьмут чужую монету так же, как и вашу».

— Я могу привести тебе таких людей, — сказал Иллирио. "Как много?"

— Двадцать для начала, — сказал я. «Будьте готовы принести еще, если эти вам не подойдут».

— Я уверен, что они будут.

— Оценивая их боевые навыки, я доверяю вашему суждению, — сказал я. «У меня есть определенные навыки в определении благонадежности человека. Доверься мне в этом».

— Так я и сделаю.

Мои сомнения значительно рассеялись после встречи с первым человеком, которого представил Иллирио, бывшим бойцом пит-стопа, назвавшимся Стронгом Белвасом. Это было не его имя, как показали его мысли, но я давно научился — хотя и не мог вспомнить где — позволять человеку его собственную историю, пока он не пытается обмануть.

— Ты был солдатом? Я попросил. — Служил охранником?

"Да."

Он не хотел говорить больше, но он знал свое дело. Он был огромным мужчиной с огромным животом и складками жира, скрывавшими толстые мышцы. Белвас был евнухом, родом из города под названием Миэрин, но не Безупречным. Иллирио купил свой контракт у конюшни пит-файтеров. Когда я проверил его металл, я обнаружил, что он отлично владеет не только клинком, но и большинством другого оружия Эссоса.

Мне понравился Стронг Белвас. С большинством людей он разговаривал отрывистыми предложениями и отдельными словами, но как только узнал во мне товарища-мастера меча, то открылся гораздо шире. Вскоре мы перешли к регулярным спаррингам, и он научил меня тонкостям аракха, пока я работал с ним над техникой владения двумя мечами, чем он раньше пренебрегал.

Смутно я знал, что в какой-то момент сам был бойцом ямы, и я не держал против него прошлое Белваса. У сильного Белваса была смуглая кожа, в отличие от белых жителей Пентоса, и он был рабом в других городах. Как и я, он был аутсайдером, и я был рад его компании.

Не все новобранцы Иллирио демонстрировали такие качества; Я отказался примерно от половины из них, но в конце концов получил свои двадцать опытных, подозрительных бойцов. Я тренировал их вместе с Безупречными Иллирио и разработал регулярную ротацию, чтобы охранять входы, стены и интерьер особняка. Иллирио предоставил яркую униформу и прекрасное новое оружие.

<http://tl.rulate.ru/book/82171/2556186>